

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ «ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА» И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**М.Н.САМЕДОВ***Бакинский Государственный Университет*

В представленной статье в первую очередь освещаются особенности механизма защиты прав человека, закрепленные в национальном законодательстве и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Далее выражается отношение к вопросу о применении в современном Азербайджане «прецедентного права Европейского Суда». Наконец, в статье анализируются некоторые проблемы совершенствования текущего азербайджанского законодательства относительно защиты прав человека.

В современный период некоторые субъекты национального права Азербайджана могут пользоваться возможностью защиты своих прав не только в рамках национального механизма защиты прав, но и в Европейском Суде по правам человека, функционирующего в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ратифицированного Законом Азербайджанской Республики от 25 декабря 2001 г.

В результате признания Азербайджанской Республикой юрисдикции Европейского Суда по правам человека отечественные механизмы судебного контроля за соблюдением прав граждан в республике получили поддержку и в виде международного судебного контроля. Это означает, что компетенция национальных судов и Европейского Суда по рассмотрению жалоб на нарушение прав взаимосвязаны.

Однако, в соответствии со ст. 13 Конвенции защиты в Европейском Суде можно искать только от своего государства: «Каждый, чьи права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции, нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты перед национальными властями». Следовательно, Конвенция предусматривает защиту заявителя только от властей и Суд не может рассматривать жалобы на частных лиц или на частные организации. В правовой литературе, однако, отмечается, что данная Конвенция также способна оказать «горизонтальное воздействие» на решение частных споров (1).

Таким образом, если гражданин считает, что государством нарушено какое-либо из перечисленных в Конвенции его прав, то он вправе обратиться в Европейский Суд. Однако при этом необходимо выполнение определенных условий, главными из которых являются исчерпание всех внутренних средств правовой защиты и соблюдение шестимесячного срока после принятия последнего решения азербайджанской судебной инстанцией.

Согласно Конвенции, правом на подачу жалобы в Европейский Суд

против государства обладают не только физические лица, но также и группы лиц, неправительственные организации. Точная характеристика двух последних категорий субъектов в Конвенции отсутствует, но определенную ясность в данный вопрос вносит практика контрольных органов. Так, принято считать, что к категории «неправительственная организация» относятся негосударственные организации, например, газеты, профсоюзы, политические партии (2). Общий вывод может состоять в том, что данные категории субъектов используются лишь для целей Конвенции, в том смысле, что национальные правовые порядки не рассматривают их как самостоятельные разновидности субъектов права.

Преследуя цель, защитить закрепленные в ней права человека во всех ситуациях, безотносительно к тому, нарушаются ли права конкретного индивида «индивидуально» или же тогда, когда такой индивид действует в составе какой-либо организации, или является членом какого-либо коллектива, Конвенция вместе с тем предусматривает и возможность защиты прав коллективных субъектов.

Поскольку Конвенция содержит ряд норм, которые регламентируют отношения, традиционно относимые в отечественной науке к категории внутригосударственных, целесообразно рассмотреть вопрос о соотношении механизма защиты соответствующих прав по Конвенции и отечественному законодательству. Так, большой интерес представляет вопрос о характере, который носит в системе защиты прав процедура рассмотрения дела по индивидуальной жалобе в Европейском Суде. Дело в том, что процедура рассмотрения дела о нарушении прав человека в Европейском Суде является самостоятельной: Суд занимается рассмотрением дел только о нарушении прав, изложенных в Конвенции. При этом эти права понимаются так, как это закреплено в Конвенции и, как их толкует данный Суд. Суд лишь «учитывает национальное право» соответствующего государства, но не руководствуется им. Более того, с точки зрения Конвенции национальное законодательство может выступать в качестве объекта исследования (на предмет его соответствия Конвенции), но не как правового регулятора.

Хотя в правовой литературе отмечается, что возрастание полномочий Европейского Суда знаменует передачу полномочий от государства к международным органам (3), однако он не становится четвертой инстанцией и не подменяет национальные судебные органы. В соответствии с духом и буквой данной Конвенции, основная нагрузка по защите прав человека лежит на национальных органах. «Суд указывает на то, что механизм защиты, предусмотренный Конвенцией, носит вспомогательный характер по отношению к национальным системам, охраняющим права человека» (4).

Поскольку Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. - это уникальная система со своим особым механизмом, теоретически несостоятельными будут выглядеть все попытки конструирования некоего единого механизма защиты прав, например, неверно относить процедуру защиты прав Европейским Судом к «надгосударственному способу защиты прав». Наличие возможности обращения в Европейский суд за защитой нарушенных прав не нарушает традиционную систему внутригосударственной защиты прав по действующему азербайджанскому законодательству. По

содержанию, однако, решение Европейского Суда может вполне соответствовать таким национальным «способам защиты прав», как признание права, восстановление положения существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право, возмещение убытков, компенсация морального вреда.

Учитывая тот факт, что при обращении в Европейский Суд складывается новое правоотношение - международное правоотношение, будет неправильным утверждение о трансформации внутригосударственного правоотношения в международное. Новое международное правоотношение возникает между соответствующим лицом, государством и Европейским Судом. Другими словами, когда спор остается внутригосударственным, Конвенция должна применяться как составная часть правовой системы Азербайджанской Республики. Когда же спор становится предметом рассмотрения Европейского Суда, Конвенция должна применяться как международный договор - основной документ, регламентирующий рассмотрение споров данным Судом. Суд рассматривает дело о нарушении конвенционного права и, в рамках данного дела, с момента его принятия Судом, а правоотношения между участниками процесса по поводу конвенционных прав и их взаимоотношения с Судом характеризуются как международные правоотношения.

Необходимо также отметить особый характер решения Суда, отличающий его от решений внутригосударственных судов. Формально решение, вынесенное против государства, не отменяет предыдущих решений национальных органов, хотя и носит обязательный характер и рассматривается как окончательное.

Кроме того, с учетом того, что Европейский Суд не входит в систему национальных судебных органов, может возникнуть вопрос относительно правового значения его решения в пользу заявителя. В определенном смысле, положительное решение в пользу заявителя может означать подтверждение его права и, как следствие, использование им после вынесения решения данным Судом внутригосударственного способа защиты прав. Кроме того, решение Европейского Суда выполняет также функцию предупреждения или пресечения нарушения права. Более того, не только отдельное решение Европейского Суда, но и весь механизм Конвенции в целом предназначен для предотвращения нарушений закрепленных в ней прав. Что касается восстановления нарушенного права, то решения Европейского Суда помогают не столько восстановлению нарушенных прав, сколько предотвращению повторов нарушений.

Правда, согласно ст. 41 Конвенции (в редакции Протокола № 11), Европейский Суд, в случае необходимости, может предоставить потерпевшей стороне справедливую компенсацию. Однако, как нам представляется, она не носит восстановительный характер подобно тому, который присущ правовой ответственности Азербайджанской Республики за акты органов государственной власти (т.е. за действия, нарушающие права граждан, при осуществлении ими публично-правовых функций), хотя имеет и определенные схожие черты.

Решение Европейского Суда о справедливой компенсации лишь иногда можно рассматривать как направленное на восстановление имущественной сферы потерпевшего, так как на практике распространены небольшие, порой чисто символические суммы справедливой компенсации, либо компенсация не

определяется вовсе (если об этом не просит жертва, либо если суд не назначает ее).

Восстановительный характер компенсации также может быть подвергнут сомнению, поскольку восстановление имущественной сферы потерпевшего не является целью Конвенции. Скорее ее можно рассматривать как международно-правовую санкцию имущественного характера, накладываемую на государство за нарушение им прав других лиц. Особенностью такой санкции является то, что она, являясь международно-правовой по происхождению (в том смысле, что накладывается на конкретное государство), несет в себе определенный компенсационный характер. Таким образом, перед отдельным индивидом государство реально может нести правовую ответственность по национальному законодательству и международную ответственность по Европейской конвенции.

Заметим, что решение Европейского Суда может также служить основанием для пересмотра действующего законодательства, не соответствующего Конвенции. Европейский Суд не может признать недействительным правовой акт, принятый соответствующим национальным органом, но его решение может послужить основанием для признания данного акта недействительным со стороны соответствующей национальной инстанции.

Безусловно, решение Европейского Суда может привести, в конечном итоге, к защите нарушенного права, но во всяком случае для этого требуется решение национальных судебных органов. Это связано с тем, что хотя внутригосударственные судебные органы и международные судебные учреждения тесно взаимодействуют, но не составляют единой системы органов защиты прав.

Учитывая тот факт, что основанием для возникновения у субъектов национального права прав и обязанностей может служить и решение суда, было бы неверным придерживаться позиции о наличии такого качества и у решения Европейского Суда, поскольку по своему характеру оно не имеет на сегодняшний момент такого действия на территории Азербайджана, которое бы непосредственно (выделено нами - С.М.) приводило к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей. Решение данного Суда не устанавливает права и обязанности, а констатирует наличие или отсутствие нарушения Конвенции. Последнее слово в деле восстановления нарушенных прав остается, во всяком случае, за национальными инстанциями.

Что касается самой практики Европейского Суда (Европейских контрольных органов) по рассмотрению дел о нарушении прав, то, грубо говоря, значение для отечественного правопорядка имеют не столько нормы Конвенции (они воплощены в Конституции и текущем законодательстве, и между ними и отечественными нормами отсутствуют какие-либо серьезные противоречия), сколько опыт реализации положений Конвенции в практике Европейских контрольных органов. С учетом новизны многих норм для азербайджанской правовой системы именно практика Европейского Суда позволяет наполнить их реальным содержанием.

Но как далеко может зайти Суд в толковании положений Конвенции при разрешении конкретных дел (речь не идет о консультативных заключениях,

касающихся толкования положений Конвенции по просьбе Комитета Министров), и в какой степени такое толкование может восприниматься как обязательное судами республики?

Данный аспект проблемы толкования связан с различными вариантами ее применения. Поскольку Конвенция может применяться как часть правовой системы республики, следовательно, имеет место толкование ее положений национальными судами. С другой стороны, толкование осуществляет и сам Европейский Суд. В этой связи возможна ситуация, когда толкование Европейской конвенции в национальных судах будет отличаться от толкования ее норм в Европейском Суде. В соответствующем случае, безусловно, приоритетным должно стать толкование Конвенции Европейским Судом. И это является вполне обоснованным, так как значение прецедентов, создаваемых в рамках Совета Европы, состоит в том, что они являются образцом толкования норм самой Конвенции. Применение исключительно «своего», основанного на национальном законодательстве и сложившейся практике подхода к пониманию положений Конвенции, без учета толкований Европейского Суда, может привести к ее нарушению и, как следствие, к ответственности государства.

Проблема восприятия азербайджанской правовой системой прецедентной практики Европейского Суда в какой-то мере связана с общим вопросом определения места судебного прецедента в правовой системе нашей страны. И хотя, в целом, в правовой литературе подчеркивается позитивная роль судебной практики (предыдущих судебных решений) для разрешения конкретных уголовных и гражданских дел, но лишь немногие авторы утверждают о необходимости признания судебного прецедента источником азербайджанского права. Наиболее распространена такая аргументация признания прецедента источником права, как фактическая роль правил, содержащихся в судебных решениях для разрешения судами конкретных дел.

Думается, что прорывом в этом вопросе является Указ Президента Азербайджанской Республики «О модернизации судебной системы в Азербайджанской Республике и применении Закона Азербайджанской Республики «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики» от 19 января 2006 г. В п.6 этого Указа содержится четкая рекомендация: «Верховному Суду Азербайджанской Республики, апелляционным судам Азербайджанской Республики и Верховному Суду Нахчыванской Автономной Республики организовать работу по изучению прецедентного права Европейского Суда по правам человека и учесть его в судебной практике».

Признавая судебный прецедент источником права, автор имеет в виду общую, принципиальную сторону рассматриваемого явления и далек от мысли придавать ему безусловно-обязательную силу независимо от конкретных обстоятельств, в которых он применяется.

Таким образом, если проблема признания в качестве источника права судебного прецедента в общем в Азербайджанской Республике требует еще всестороннего изучения и разрешения, то проблема применения прецедентного права Европейского Суда по правам человека и его учет в практике судов уже стоит на повестке дня. Вместе с тем, какие бы основания для квалификации

правила, содержащегося в судебном решении или обзорах высших судебных инстанций в качестве правовой нормы, не представляла реально существующая практика, решающее слово в признании или непризнании прецедента источником права остается за законодателем.

Следовательно, на данный момент, ответ на вопрос, является ли судебный прецедент источником азербайджанского права, должен быть отрицательным, поскольку конституционное и текущее законодательство не устанавливает обратное. Что касается ближайших перспектив прецедентного права Европейского Суда по правам человека в Азербайджанской Республике, то, безусловно, он должен действовать в ее правовой системе наряду с другими национальными источниками права. Не являясь в настоящее время источником права в Азербайджанской Республике, он тем не менее в ближайшем будущем будет оказывать существенное влияние на систему законодательства республики. И это вполне логично, так как деятельность Европейского Суда, отражая определенную европейскую практику, в то же время сама оказывает определенное влияние на законодательство государств-участников Конвенции.

Итак, в связи с тем, что некоторые права Азербайджана могут воспользоваться возможностью защиты своих прав в Европейском Суде по правам человека, функционирующем в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., возникает вопрос о соотношении механизма защиты прав по законодательству Азербайджанской Республики и Конвенции. В этой связи следует выделить два аспекта проблемы:

Во-первых, при обращении в Европейский Суд складывается новое правоотношение - международное правоотношение, субъектами которого являются соответствующий заявитель (индивид или коллективное образование), государство и Европейский Суд. Если нарушенное государством право лицо будет предметом рассмотрения Европейского Суда, речь уже не может идти о защите права, закрепленного в его национальном законодательстве. Суд будет рассматривать дело о нарушении конвенционного права.

И хотя постановление Суда может привести, в конечном итоге, к защите нарушенного права, во всяком случае для этого требуется решение отечественных судебных органов. Решение Европейского Суда на сегодняшний момент по своему характеру не имеет такого действия на территории республики, которое бы непосредственно приводило к возникновению, изменению или прекращению прав. Решение Суда не устанавливает права и обязанности, а констатирует наличие или отсутствие нарушения Конвенции.

Однако, положительное решение в пользу лица может означать подтверждение права лица и, как следствие, использование им после вынесения решения внутригосударственных способов защиты.

Что касается справедливой компенсации, то она не носит восстановительного характера подобно тому, который носит ответственность государства за акты органов власти по национальному законодательству, хотя имеет определенные схожие черты. Компенсацию можно рассматривать как международно-правовую санкцию имущественного характера, накладываемую на государство за нарушение им прав других лиц. В результате, перед отдельным индивидом государство реально может нести ответственность по законодательству

республики и международную ответственность по Европейской конвенции.

Во-вторых, процедура рассмотрения дела о нарушении прав человека в Европейском Суде является самостоятельной: Суд занимается рассмотрением дел только о нарушении прав, изложенных в Конвенции. При этом права понимаются так, как это закреплено в Конвенции и как их толкует Суд.

Защита Европейским Судом нарушенного права осуществляется в рамках особого механизма, отличного от внутригосударственного механизма защиты прав. Особый круг субъектов-заявителей, особая процедура рассмотрения ситуации по Конвенции не позволяет нам рассматривать обращения субъектов права республики в Европейский Суд как единую процедуру (в продолжение начатой в Азербайджанской Республике) защиты нарушенных прав.

Решение Европейского Суда может также служить основанием для пересмотра положений действующего национального законодательства, не соответствующих Конвенции. Европейский Суд не может признать недействительным акт органов государственной власти или местного самоуправления, но его решение может послужить основанием для признания акта недействительным азербайджанским судом.

В системе регуляторов внутригосударственных отношений в республике особое место занимают прецеденты Европейского Суда по правам человека. С учетом новизны многих норм Конвенции для азербайджанской правовой системы именно прецеденты Европейского Суда позволяют наполнить положения Конвенции реальным содержанием.

Ответ на вопрос, являются ли прецеденты Европейского Суда на данный момент источником азербайджанского права, должен быть отрицательным, поскольку конституционное и текущее законодательство республики не дает оснований для такого вывода. Прецеденты Европейского Суда не являются источником права, но оказывают все возрастающее влияние на регулирование внутригосударственных отношений в республике.

Таким образом, соотношение «права Европейского Суда по правам человека» с актами законодательства Азербайджанской Республики характеризуется многовариантностью и зависит от множества факторов. Такое соотношение определяется международным правом в целом, соответствующими международными обязательствами Азербайджанской Республики, а также ее национальным законодательством.

И в заключение следует отметить, что благотворное влияние данной Конвенции осуществляется не только посредством инкорпорации его важнейших положений национальным законодательством (например, принятие Конституционного закона «О регулировании осуществления прав и свобод человека в Азербайджанской Республике» от 24 декабря 2002 г.), но и путем усовершенствования самого национально-правового механизма защиты прав и свобод человека. Так, Законом Азербайджанской Республики «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты» от 11 июня 2004 г. были внесены соответствующие изменения в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики и, тем самым был учрежден институт производства по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с нарушениями прав и свобод в гражданском и уголовном процессуальном законодательстве

Азербайджанской Республики. Данное производство предусматривает признание Конституционным Судом Азербайджанской Республики постановлений Верховного Суда Азербайджанской Республики или судебных актов, нарушающих право обращения в суд, несоответствующими Конституции и законам Азербайджанской Республики как одно из оснований для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с нарушениями прав и свобод.

В соответствии с внесенными, указанным Законом, дополнениями и изменениями в процессуальное законодательство Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики рассматривает дела только по правовым вопросам, связанными с исполнением постановлений Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Европейского Суда по правам человека (ст. 431.2. ГПК, ст. 456.2. УПК).

Как видно, институт производства по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с нарушениями прав и свобод является нововведением для азербайджанского процессуального законодательства и направлен на устранение нарушений, обнаруженных в судебных актах, посредством соответствующих судебных процедур или на восстановление нарушенных прав и свобод.

Поскольку правовая природа и полномочия Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Европейского Суда по правам человека не позволяют им восстановить нарушенные права, постольку национальное законодательство возлагает эту обязанность на суды общей юрисдикции. При этом очень важное значение приобретает принятие во внимание правовых позиций Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Европейского суда по правам человека, сущность постановления, принятого Пленумом Верховного Суда Азербайджанской Республики, стадия, на которой дело было направлено на пересмотр, соблюдение процессуальных сроков и другие вопросы. Данный подход нашел поддержку и в Постановлении Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О соответствии пункта 9 части III и пункта 7 части IV Закона Азербайджанской Республики «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики» № 688-И QD от 11 июня 2004 года части IX статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики» от 25 января 2005 г., в котором Конституционный Суд, обосновывая свою позицию по соответствующему делу, сослался на решение Европейского Суда по правам человека по делу «Ryabykh v. Russia» (жалоба N52854/99, ECHR 2003-X, § 63) от 24 июля 2003 г., где отмечается: «Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, то есть принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела. Принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может

являются основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии). М., 1997, с.289.
2. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М., 1998, с.57
3. Merryman J. The Civil Tradition. An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. Stratford, 1985, p. 158.
4. См.: Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Указ.соч., с.289.

«AVROPA MƏHKƏMƏSİ HÜQUQU» İLƏ AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASI QANUNVERİCİLİYİNİN QARŞILIQLI NİSBƏTİNİN BƏZİ ASPEKTLƏRİ

M.N.SƏMƏDOV

XÜLASƏ

Məqalədə ən əvvəl milli qanunvericilikdə və İnsan hüquqlarının və əsas azadlıqların müdafiəsi haqqında 1950-ci il Avropa konvensiyasında təsbit olunmuş insan hüquqlarının müdafiə mexanizminin incəlikləri işıqlandırılır. Bundan sonra, məqalədə yeni Azərbaycanda «Avropa Məhkəməsinin presedent hüququ»nun tətbiqi ilə bağlı məsələyə münasibət bildirilir. Nəhayət, son illər Azərbaycan Respublikasında insan hüquqlarının müdafiəsi sahəsi ilə əlaqədar cari qanunvericiliyin təkmilləşməsi və perspektivləri problemləri təhlil olunur.